

Въ стихахъ реляція! прекрасно!.. а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю.
На праздниѣ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бѣ нехитрому уму
Не выдумать и вѣкъ: *зари багряны персты,
И райскій крикъ, и Фебъ, и небеса отверсты!*
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ берется объяснить старику причину такого грустнаго явленія. Эта причина, увы! и теперь еще не совсѣмъ состарѣлась, и теперь еще не совсѣмъ анахронизмъ! Слушайте:

Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однако жъ здѣсь въ Москвѣ толкался я не мало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—лейбъ-гвардіи кап-
праль,
Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунетъ-камеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ—народъ все нужный, должностной...

А вотъ и объясненіе причины дѣятельности нашихъ поэтовъ:

Къ тому жъ у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питаю,
Чего желалъ? О, онъ—онъ бралъ не свысока;
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ, иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
„Онъ славенъ,—чрезъ него и я безсмертна стала!“
А нашихъ многихъ цѣль: иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другога,
Кромъ придворнаго подчасъ мѣсяцеслова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный каждый листъ быть кажеся святымъ.

Приписывая неуспѣхи нашихъ поэтовъ убѣжденію, что если у кого есть природный даръ, тотъ имѣетъ право ничему не учиться и быть невѣждой,—злой аристархъ презабавно описываетъ, какъ писались въ старину громкія оды:

И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Римникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вожда, Костюшку, положилъ—
Онъ тотчасъ за перо и разомъ вывелъ оду!
Потомъ въ одинъ присѣсть: *такого дня и года!*
„Тутъ какъ?.. Пою!.. Иль нѣтъ, уже это старина:
„Не лучше ль: *даждь мнѣ, Фебъ?*... Иль такъ:
не ты одна
„Подпали подъ пяту, о чалмоносна Порта?
„Но что же мнѣ прибрать въ ней въ риему.
кромъ чорта?
„Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо: я лучше поброжу,

„И воздухомъ себя открытымъ освѣжу“.
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
„Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
„Героя то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
„Съ Румянцевымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ
„Не ловко что то все!—Да просто напишу:
„*Ликуй, герой! ликуй! герой ты!* возглашу.
„Изрядно! тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ.
„Скажу: *кто завѣсу мнѣ ежечности расторгъ?*
„*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горна свѣта*
И то, и то.. А тамъ? извѣстно, *многи мѣта!*
„Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
„Да здравствуетъ поэтъ! Осталось присѣсть!
„Да только написать, да и печатать смѣло!“
Въжить на свой чердакъ, чертить и въ шляпѣ дѣло:
И оду ужъ его тисненію предають,
И въ одѣ ужъ его намъ ваку продають.
Вотъ такъ пиндарилъ онъ, и всѣ ему подобы,
Едва ли вывѣски надписывать способны!

Право, не дурно было бы, еслибъ какой-нибудь даровитый поэтъ нашего времени написалъ современный «Чужой Толкъ» и объяснилъ, какъ пишутся теперь романы, повѣсти и «патріотическія драмы»...

Дмитріевъ заставляетъ въ своей сатирѣ говорить плохого стихотворца—

Пою!... Иль нѣтъ, ужъ это старина!

А между тѣмъ это «пою», вмѣстѣ съ «лирою» такъ часто попадаетъ и въ стихахъ самого Дмитріева, и въ стихахъ Карамзина. Это перешло отъ писателей предшествовавшихъ двухъ школъ—Ломоносовской и Державинской, которыя подъ «литературой» разумѣли и «пѣснопѣіе»: кто бы, что бы ни писалъ—въ стихахъ или въ прозѣ,—онъ пѣлъ, а не писалъ. Державинъ въ стихотвореніи своемъ «Прогулка въ Царскомъ Селѣ» дѣластъ такое обращеніе къ Карамзину:

И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынь,
Пой, Карамзинъ!—и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьиный.

Въ стихотвореніяхъ Дмитріева и Карамзина русская поэзія сдѣлала значительный шагъ впередъ и со стороны направленія, и со стороны формы; но изъ-подъ риторическаго вліянія далеко еще не освободилась. Фебы, лиры, гласы, усѣченія, піитическія вольности и болѣе или менѣе прозаическая фактура только ослабились въ ней, но не исчезли; они удержались въ ней по преданію, которое дошло даже и до Пушкина, какъ увидимъ это послѣ. Но важно то, что если поэзія и удержала риторическій характеръ, зато какъ она, такъ и вообще беллетристика русская